

Юлия С. Паули (Кемерово)

Лингвокреативное описание идиостиля Н. А. Бердяева (на материале философского трактата «Смысл творчества. Опыт оправдания человека»)

✦ Ключне речи:
*творческая языковая
личность, идиостиль,
детерминанты идиостиля,
доминанта идиостиля,
основная анафония,
идиостиль Н. А. Бердяева.*

У раду се сагледава проблем индивидуалног стила аутора на материјалу философског трактата „Смисао стваралаштва: покушај оправдања човека“ Николаја Александровича Берђајева. Као доминантни ауторски поступак карактеризације књижевног лика апострофира се базична анафонија (на примеру варирања творбених форманата: *творчес/тво, творч/ество, творч/ество*) односно анафонијска аналогија схваћена као диференцијални фактор дискурса.

Своеобразие речемыслительной деятельности носителя языка определяется его «интеллектуальной творческой силой» (В. фон Гумбольдт), характеризующейся разной степенью интенсивности. Ср. «Чем сильнее и ярче самодеятельная сила духа, [...] тем чище и вместе с тем разнообразнее формируется вся масса человеческих представлений» (Гумбольдт 1984: 54). Фактор гениальности, т.е. «ступень», на которую личность «была поставлена своим гением» (Там же: 64), обуславливает исследование речемыс-

лительной активности одухотворенного, незаурядного индивида. Особенности дискурса «гениальной» языковой личности рассматриваются в рамках теории идиостиля.

В современной стилистике имеется целый ряд подходов, в основе которых лежат разные параметры индивидуальности стилия автора. Так, в лингвопоэтической модели идиостиля (В. П. Григорьев, М. Л. Гаспаров, И. И. Ковтунова, Н. А. Кожевникова) делается акцент на изучении эстетической значимости тех

Скила 2007

или иных языковых единиц и их роли в организации текста. Функционально-стилистическая модель (М. П. Котюрова, И. В. Самойлова) описывает особенности идиостиля ученого, обусловленные такими экстралингвистическими факторами, как тип мышления, познавательный стиль и стиль мышления ученого. В психолингвистической модели (В. А. Пищальникова, М. Л. Левченко) факторами, влияющими на специфичность дискурса, выступают совокупность индивидуально-авторских смыслов, а также концептуальная система языковой личности. Коммуникативно-стилистическое моделирование идиостиля (Н. С. Болотнова, И. И. Бабенко, С. М. Карпенко) предполагает рассмотрение художественного произведения как взаимодействия творческой деятельности автора и читателя. При описании идиостиля исходными являются языковые единицы, отсылающие к концептуальному своеобразию дискурса. В рамках когнитивного направления (И. А. Тарасова, И. В. Быдина, Е. Г. Малышева) раскрывается значимость индивидуально-авторского концепта, задающего специфику системе дискурсивных репрезентантов.

Изучение идиостиля с позиции воссоздания речемыслительной деятельности автора предполагает рассмотрение дискурса как специфической творческой формы взаимодействия с языковой действительностью. При описании стилевого своеобразия дискурса необходимо учитывать и сущностные свойства используемого субъектом языка, и их индивидуальное проявление. При таком подходе язык и его носитель выступают в качестве условий, а идиостиль – в качестве причины, которые определяют раскрытие духовного потенциала языковой личности.

Деятельностное понимание природы языка лежит в основе *лингвокреативного*

описания, трактующего идиостиль как самобытный способ репрезентации значимых для автора смыслов, обеспечивающий процесс самовыражения «духовной (т.е. творчески проявляющей себя. – Ю. П.) индивидуальности» (В. фон Гумбольдт). Своеобразие идиостиля формируется под действием (А) внешних детерминант (в первую очередь – системных свойств национального языка), а также благодаря (Б) индивидуальной незаурядности языковой личности.

(А) Влияние языка на речемыслительную деятельность человека задается устойчивым режимом осуществления языковой системы, определяющим в языковом сознании характер внутри- и межсловного взаимодействия элементов, а также сопутствующими факторами, связанными с совокупностью структурно-семиологических, субстантных и экстралингвистических предпосылок формирования идиостиля.

Способ, с помощью которого язык совершает синтактическое соединение элементов, определяет механизм формирования вербализованного понятия и тем самым облегчает (или затрудняет) движение мысли. В этом плане наибольший интерес представляет флективный метод, поскольку он, (1) допуская выражение реляционных значений и их соотношение и соединение с лексическими компонентами; (см. также (Зубкова 1999: 176–177)), (2) маркируя отношение определяемого слова к другому слову (Гумбольдт 1984: 122), ко всему предложению и к связной речи в целом (Там же: 126), (3) способствуя свободному включению слова во фразу и сверхфразовое единство, дает человеку ощущение повышенных синтактических возможностей определяемого элемента и, как следствие, усиливает наше стремление «возвыситься»

над его исходным вербальным образом (Потебня 1958: 38), облегчает воспроизведение в речи единиц, соотносимых со словом как объектом познания.

Дополнительными факторами, обуславливающими особенности идиостиля, признаются структурно-семиологические параметры определяемого элемента: (его непроизводность/производность (Кубрякова 1995), одно-/многоморфемность (Бодуэн де Куртенэ 1963) и тривиальность его основы (Тихонов 1990), а также степень его лексикализованности (Улуханов 2005) и принадлежности к классам предикативов/идентификаторов (Катышев 2005), конкретных/обобщенных имен. При объяснении синтаксических возможностей языкового знака необходимо также учитывать субстантный параметр, в соответствии с которым усиление и закрепление в речи смыслового потенциала определяемого элемента свойственно тем дискурсивным сферам, где срабатывает установка на языкотворчество, т.е. на «господствующее положение языка» (Гумбольдт 1984: 218). К экстралингвистическим факторам формирования идиостиля относятся культурный контекст, особенности познавательной деятельности человека, интенсивность мышления и опыт носителей языка.

(Б) Помимо перечисленных системных детерминант, важным стилиобразующим фактором дискурса выступает самостоятельность языковой личности, заключающаяся в сосредоточении внимания и усилий на определенном элементе – доминанте дискурса. Использование принципа доминанты при моделировании идиостиля обусловлено тем, что «каждая личность несет в себе всю человеческую природу, только избравшую какой-то частный путь развития» (Гумбольдт 1984: 64). В рамках лингвокреативного моде-

лирования идиостиля доминанта рассматривается как индивидуальный способ трансформации сущностных сторон языкового сознания. Выдвижение одного из дискурсивных начал есть проявление свободного, творческого отношения личности к детерминирующим его деятельность факторам.

Рассмотрение доминанты как способа взаимодействия личности с языковой действительностью предполагает ее трактовку относительно категорий «образ – представление – понятие». Под действием познавательной установки автора образ, организующий дискурсивную деятельность, конкретизируется и затем объективируется посредством представлений, что приводит к формированию вербализованного понятия, которое является целью творческой деятельности языковой личности. Данный подход основан на понимании «психичной» природы языка, которая трактуется как способность «создавать образ как условие для осмысления восприятия, а также служить средством осознания образа в качестве представления, понятия или группы понятий и представлений» (Катышев 2006: 67). Стало быть, дискурсивная доминанта «выступает показателем потенциальной и проявленной интенсивности языкового мышления, способного кумулировать впечатления, образы и связанные с ними представления» (Там же).

Итак, в рамках лингвокреативного понимания идиостиля дискурс рассматривается как специфическая форма взаимодействия человека с языковой действительностью. Роль языка в творческой реализации личности определяется его способностью участвовать в организации и репрезентации индивидуально-авторского вербализованного понятия. Духовная самостоятельность субъекта

мысли проявляется при концентрировании усилий на одном из дискурсивных элементов и степени интенсификации его выражения.

Гениальность языковой личности определяется ее способностью создать собственный стиль дискурсивного развития мысли. Интересным с точки зрения лингвокреативного описания идиостиля является исследование анафонической организации дискурса Н. А. Бердяева, выдающегося русского философа первой половины XX века. В наиболее концентрированном виде особенности его индивидуального стиля представлены в философском трактате «Смысл творчества. Опыт оправдания человека».

Авторской интенцией данного философского произведения является оправдание человека, определение его бого-человеческой сущности. Авторский замысел представлен в дискурсе посредством образа, организованного вариантами словообразовательной формы *творчес/тво* : *творч/чество* : *творч/ество*. Данный темообразующий дериват кумулирует в себе авторский замысел и обуславливает формально-содержательное развертывание дискурса. Доминантным способом раскрытия образа является основная анафония, т.е. конкретизация его смыслового содержания посредством перифрастических выражений, созвучных отсылочной части определяемого деривата-темы.

В процессе анализа дискурса Н. А. Бердяева выделяется система лексических конкретизаторов (анафонов) с основами *твор-* / *(пре)твор-* / *удовлетвор-* / *твар-* / *твер-* / *(у)тверд-* / *(у)твержд-* (см. представляющие эти основы лексемы *творческий* / *претворение* / *удовлетворение* / *тварный* / *твердый* / *утвердить* / *утверждать* и др.). Созвучные деривату-теме конкретизаторы вступают в

различные синтаксические отношения с другими языковыми единицами и организуют суждения – синтаксические конкретизаторы. Данные анафонические суждения способствуют более точному и ясному формулированию индивидуально-авторского понятия (например, *творческий акт*, *способность творить*, *бытие Творцом*). Каждая отдельная перифраза обозначает один из семантических признаков, определяющих содержание исходного понятия.

Доминантность основной анафонии предопределена такими свойствами русского языка, как синтетическое объединение в слове маркеров лексической и грамматической языковой категоризации, фузионная целостность слова и его свободное включение в состав предложения и текста. Поэтому в определяемом деривате в силу его «двойной референции» к миру вещей и миру слов (Е. С. Кубрякова) содержится указание на те отношения, в которых данное слово находится с другими словами (Гумбольдт 1984: 122). Созвучные же отправному слову конкретизаторы, характеризуясь большей/меньшей тривиальностью элемента, соотносимого с источником аналогии (в нашем случае – с отсылочной частью темообразующего деривата *творчество*), могут вступать в пространстве дискурса в разнообразные синтагматические отношения. Из этого следует, что флективная сущность русского языка, вызывая у его носителя «ощущение повышенной релятивности определяемого слова» (П. А. Катыхов), позволяет «выражать все более многообразные и четко разграниченные оттенки» (Гумбольдт 1984: 96), а следовательно, более точно формулировать содержание понятия.

Сопутствующими факторами, обеспечивающими возникновение и укоренение

нение анафонической доминанты, выступают структурные и семиологические свойства деривата-темы *творчество*. Так, состав конкретизирующего множества находится в прямой зависимости от номорфемного строения мотивирующей основы деривата *твор/ч/ес/тво* (*твор/ч/е/ство*) и от его принадлежности к древнему макрогнезду с индоевропейскими корнями **tuer-* : **tuōr-*. Абстрактный и обобщенный характер семантики деривата-темы коррелирует с особенностями его словообразовательной формы (ростом аналитизма его внутрисловной структуры) и обуславливает специфику полевой организации анафонической доминанты. Субстантивным (стилевым) фактором идиостиля Н. А. Бердяева является принадлежность его дискурса образцам философской публицистики, что допускает большое количество однокорневых повторов, создающих эффект повышенной эмоциональности и убедительности.

При анализе идиостиля языковой личности особый акцент делается на характере доминантных представлений, поскольку моделирование идиостиля предполагает реконструкцию способа объективации замысла автора. Анафонические конкретизаторы различаются частотой повторяемости и значимостью в дискурсе, поэтому первым этапом описания идиостиля является раскрытие полевой организации анафонических перифраз, объяснение их структурных особенностей в зависимости от принадлежности к той или иной зоне поля. Затем рассматриваются функции перифраз и их потенциал в зависимости от ядерного или периферийного положения. Анафонические суждения участвуют в формировании понятия, в дискурсивном развертывании замысла и в его текстовом

представлении, в соответствии с чем выделяются их когнитивная, дискурсивная и текстовая функции.

Доминантность анафонии обуславливается *высокой встречаемостью* в тексте основных повторов, о чем свидетельствует коэффициент их абсолютной частотности, измеряемый процентным отношением числа анафонов к общему количеству слов в тексте. Отсюда коэффициент абсолютной частотности конкретизаторов, созвучных отсылочной части определяемого слова, равен 1,4%, коэффициент частотности одноименного повтора деривата-темы *творчество* – 0,8%. (Ср. коэффициент частотности языкового элемента *свобода* ($x = 338$) – 0,4%, перифрастических выражений, включающих лексический конкретизатор с корневой морфемой *свобод-/свободжд-* ($x = 235$) – 0,2%).

Система анафонических конкретизаторов деривата-темы *творчество* является достаточно развернутой. В первую очередь, к анафонам относятся выражения, в состав которых входит лексический конкретизатор с корневой морфемой *твор-*:

творчес/тво : твор/чество : творч/ество конкретизируемое ← раскрытие ***творческой тайны***: способность ***сотворить***: принадлежность к ***творческой*** мировой эпохе: бытие ***сознавшим себя творцом...*** конкретизаторы.

Состав анафонического комплекса расширяется за счет перифраз, содержащих лексические конкретизаторы с этимологически родственными элементами. Данные конкретизаторы включают в свой внутрисловный контекст (а) опрощенные корневые морфемы (*удовлетвор-*), (б) связанный корень (*пре*)*твор-* и (в) исторические альтернанты *твар-* и *твер-/*(*у*)*тверд-* /(*у*)*твержд-*:

твор/чество конкретизируемое ← (а) глубокая неудовлетворенность: неспособность удовлетворять; (б) способность претворить нечто в бытие: претворение чего-либо; (в) противопоставленность **тварному** миру: способность утвердить: утверждение чего-либо: отталкивание от **твердых** берегов... конкретизаторы.

Включение в анафонический комплекс исторически родственных конкретизаторов определяется, главным образом, большим или меньшим звуковым подобием тематическому слову *творчество*. Звуковые изменения корневой морфемы флективного слова связаны с ее включением в многообразие внутрисловных контекстов, поэтому критерий частичного ассоциативного тождества определяемой морфеме является нормой для флективных языков типа русского. Дополнительными факторами включения перифраз в состав анафонического комплекса является их историческая и семантическая близость с исходным словом и друг с другом.

Анафонические представления характеризуются внутренней *полевой организацией*. Принадлежность перифразы той или иной зоне поля зависит от частоты ее повторения в дискурсе и от формальной сложности структуры лексического конкретизатора. Ядерные лексические конкретизаторы характеризуются простотой и стандартностью структуры, тривиальностью способов образования. Периферийные лексические конкретизаторы отличаются большим разнообразием строения. Так, к ядру лексических конкретизаторов относятся первообразные или дериваты I и II ступеней производности, образованные по суффиксальным или постфиксальным моделям (*творческий акт, творческая эпоха, бытие Творцом, способность твориться*). На

периферии находятся анафоны, характеризующиеся большей развернутостью системы ступеней производности (первообразные и I-IV ступени) и способов образования (суффиксальный, префиксальный, постфиксальный способы, а также сложение, сращение и субстантивация). Именно на периферии становится возможным преодоление границ одного и того же словообразовательного гнезда: здесь встречаются созвучные конкретизаторы со связанным, опрошенным и чередующимися корнями (*способность обоготворить, творчески-положительно побеждаться, свойство удовлетворения, способность претвориться в чем-либо, бытие божественно-тварным, отречение от самоутверждения*).

Такое строение поля определяется абстрактным характером слова-темы *творчество*, который обуславливает аналитичный характер внутрисловных отношений данного деривата. Признаками аналитичного слова являются четкое выделение корневой и аффиксальной морфемы, моносемичность аффиксов, простота мотивационной парадигмы, поэтому строение абстрактного слова отличается ясностью, определенной четкостью, а также тривиальностью языкового значения. Отсюда – наиболее распространенные и значимые (ядерные) конкретизаторы характеризуются простотой и стандартностью строения (*творческий, Творец, твориться*). Появление более сложных и разнообразных конкретизаторов возможно только в процессе отдаления от ядра (*творчески-динамический, тварность, претворение, самоутверждаться, удовлетворение, твердо*).

В процессе раскрытия смыслового наполнения слова-темы *творчество* система анафонических конкретизаторов актуализирует разнообразные семан-

тические признаки, на основе которых строится индивидуально-авторское философское понятие. Формирование понятия в дискурсе осуществляется при сочетании внутри перифразы лексического конкретизатора, созвучного слову-теме, с другими языковыми элементами. При этом отношение конкретизации между словом-темой и анафоническим элементом (например, элементом *творческий* в выражении *творческий акт*) устанавливается по значению базисного компонента перифразы (т.е. через компонент *акт*). Реконструкция смыслового содержания философского понятия *творчество* в дискурсе Н. А. Бердяева совершается по нескольким тематическим направлениям.

1. Согласно *деятельностному* направлению, *творчество* есть истинностная деятельность человека, его обязательная активная позиция в бытии (*творческий акт*, *направление творческой энергии*, *способность творить*, *творческое преодоление мира*, *одухотворяющий подъем*).

2. Наиболее близким к первому является *онтологическое* направление, в котором *творчество* рассматривается как бытийственная характеристика человека (*выражение творческой природы*, *творческая жизнь*, *бытие тварью*, *бытие творцом*, *творческая индивидуальность*).

3. Следующее направление, выделяющееся в содержании слова-темы *творчество*, связано с раскрытием свойств (волевых, эмоциональных, духовных и проч.) творящего субъекта (*творческая сила*, *творческая свобода*, *творческое напряжение*, *творческое дерзновение*, *творческий экстаз*). Его можно определить как *атрибутивное* направление.

4. *Гносеологическая* трактовка признает за *творчеством* истинную форму

познания бытия (*творческое познание*, *творческое учение*).

5. Вышеперечисленные направления являются ядерными в развертывании смыслового содержания слова-темы *творчество*. Но выделяются и периферийные направления, которые отличаются меньшим количеством и меньшим разнообразием составляющих их перифраз. *Телеологический* аспект раскрывает сущность *творчества* как бытийной цели человечества (*соответствие идее Творца*) и как цели деятельности человека (*достижение творческой цели*). *Аксиологический* аспект утверждает *творчество* как ценность бытия человека (*необходимость творческих ценностей*). Наличием *этико-эстетического* (основание *творческой морали*, *творческое искусство*, *новая творческая культура*), *общественно-политического* (*творческая общественность*, *творческая власть*), *релятивного* (*творческое отношение*, *творчески-свободное общение*) аспектов подчеркивается всеохватность определяемой категории, ее влияние на все сферы жизнедеятельности человека.

При реализации когнитивной функции наблюдается следующая закономерность, обусловленная аналитизмом морфологической формы определяемого слова, а также абстрактностью его семантики. В ядре находятся наиболее простые, наиболее стандартные представления, раскрывающие деятельностный и онтологический характер философской категории. Отдаляясь от ядра, конкретизаторы тематического языкового элемента и смыслы, обозначаемые ими, становятся более разнообразными. По мере продвижения к периферии понятия становится все более очевидной специфика бердяевского понимания категории *творчество* как бытийственной цели человека, пред-

ставляющей его свободным субъектом и позволяющей преобразовать все сферы его деятельности. Однако самобытность автора со всей очевидностью познается при наблюдении за употреблением доминантных средств в дискурсе и тексте.

Дискурсивная функция анафонических конкретизаторов заключается в их способности реализовать смысловой потенциал деривата-темы *творчество* и определять основные направления индивидуального ассоциативного развертывания замысла личности. Осуществление данной функции обусловлено способностью доминантных представлений участвовать в тема-рематической организации дискурса, т.е. анафонические суждения «либо включаются в процесс уточнения других философских категорий, либо сами подвергаются дальнейшей детализации» (Катышев 2005: 186). Находясь в позиции темы, данные выражения конкретизируются с помощью множества супплетивных и созвучных перифраз. В позиции ремы анафонические выражения сами участвуют в раскрытии значимых для автора тем.

Так, анафоническое выражение *творческое преодоление*, будучи темой высказывания, осмысливается как:

– «**то, что отлично от аскетического преодоления мира**»: «*Опыт творческого преодоления мира качественно иной, чем опыт аскетического преодоления мира*»;

– «**выход из оценок мировой инерции**»: «*Противоположно буржуазности всякое творческое преодоление мировой данности, выход из оценок мировой инерции*».

Находясь в позиции ремы, данный конкретизатор участвует в раскрытии смыслового содержания категории «истинная форма познания»:

– «**истинная форма познания**» сама есть *творческое преодоление*: «*Философия творческой эпохи не может быть так послушна, она актуальна, она сама есть творческое преодоление того, что казалось роковым*»; победа человеческого духа через *творческое преодоление*: «*В философии есть победа человеческого духа через активное противление, через творческое преодоление; в науке – победа через приспособление, через приведение себя в соответствие с данным, навязанным по необходимости*»; *творческое преодоление* действительности: «*Философское познание не может быть лишь пассивным, послушным отражением бытия, мира, действительности, – оно должно быть активным, творческим преодолением действительности и преображением мира*».

При этом можно отметить некоторые закономерности функционирования перифраз – в частности употребление перифраз зависит от их принадлежности к ядру или периферии поля и от значения, маркируемого данным конкретизатором. Являясь темой высказывания, анафонические выражения ядра и периферии различаются количеством и тематическим разнообразием конкретизаторов. Так, ядерные перифразы характеризуются большим количеством уточняющих их содержание выражений, при этом их значение развертывается через широкий понятийный контекст. Смысловое содержание периферийных представлений раскрывается меньшим количеством конкретизаторов и обычно принадлежит определенному тематическому аспекту. Таким образом, в зависимости от приближения к ядру анафонические конкретизаторы слова-темы *творчество* имеют больше возможностей для собственного раскрытия. Анафонические конкретиза-

торы в рематическом положении уточняют содержание множества важных для дискурса Н. А. Бердяева категорий. Здесь также отмечаются определенные закономерности развития дискурсивной валентности перифраз: от широкой, универсальной (это свойственно ядерным перифразам) ко все более узкой, специфицированной (это характерно для периферийных выражений).

Способность представления занимать тема-рематические позиции коррелирует с местом признака в структуре базового понятия *творчество*. Перифразы деятельностного направления в равной степени занимают тематические и рематические позиции. Анафонические перифразы онтологического и атрибутивного аспектов чаще выступают в позиции ремы высказывания. Конкретизаторы, характеризующие особенности различных сфер бытия, используются преимущественно в тематической позиции, что обусловлено необходимостью их конкретизации и обоснованием творческого статуса данных категорий в дискурсе.

Текстовая функция заключается в способности анафонических конкретизаторов осуществлять линейное развертывание авторского замысла, обуславливая когезивно-когерентные отношения внутри текста.

Свойство анафонии концентрировать основное содержание текста обуславливает ее участие в создании глобальной связанности текста: в дискурсе Н. А. Бердяева связанность текста основывается на воспроизведении и повторении звукобуквенного состава корня или мотивирующей основы исходного деривата-темы (*творчес/тво : твор/чество : творч/ество*). Повторяясь в тексте, данные выражения являются основным средством маркирования магистральной его темы

– темы *творчества*. При этом они направляют тематическое развертывание содержания определяемого понятия, формируя концептуальное пространство текста.

Участие анафонически маркированных выражений в линейном развертывании замысла тесно связано со свободой в заполнении коммуникативно-синтаксических позиций предложения. Например, в высказывании *Творческий акт творит не из природы творящего, через убывание сил творящего, переходящих в иное состояние, а из ничего* анафонические конкретизаторы находятся в позициях субъекта действия (*творческий акт*), предиката действия (*творить*), источника действия (*природа творящего*), способа действия (*силы творящего*).

При этом анафонические перифразы отличаются разной степенью активности в оформлении синтагм, а следовательно, и в линейаризации замысла автора. Текстовая ценность созвучных элементов зависит от принадлежности к определенной зоне поля. Так, ядерные перифразы отличаются разнообразием коммуникативно-синтаксических возможностей и поэтому являются универсальными способами организации синтагмы. Периферийные анафонические конкретизаторы отмечены меньшим коммуникативно-синтаксическим потенциалом.

Созвучные слову-теме конкретизаторы способны обеспечить локальную связанность текста, что зависит от контактного или дистантного расположения повторяющихся слов и от внутри- или межфразового характера их взаимодействия. В зависимости от типа и уровня расположения анафонические конкретизаторы определяют тема-рематическую прогрессию. См.:

Тварность бытия, совершающийся в нем природ, достигнутая прибыль без

всякой убыли – говорят о *творящем*₂ и *творчестве*. О *творящем*₃ и *творчестве* говорит *тварность бытия*₄ в двояком смысле: есть *Творец*₅, *сотворивший*₆ *тварное бытие*₇, и возможно *творчество* в самом *тварном бытии*₈.

Комментарий. В данной последовательности предложений при сочетании дистантного и контактного повторов перифразы составляют сложную структуру и являются важным фактором связности текста. Выражения *тварность бытия* и *бытие творящим* выступают первоначально в позиции темы (1) и ремы (2). Второе предложение упорядочивается посредством зеркального отображения позиций повторяющихся перифраз: являясь темой первого предложения, перифраза *тварность бытия* становится ремой второго; статус выражения *бытие творящим* изменяется от рематического к тематическому (3, 4). Созвучные слову-теме представления (5, 8) являются ремой второй части бессоюзного сложного предложения, при этом выражение *бытие Творцом* конкретизируется посредством сочетания анафонических конкретизаторов *бытие сотворившим* и *тварное бытие* (6, 7). Стало быть, выражение *бытие Творцом*, будучи одновременно темой одной синтагмы и ремой другой, выполняет связывающую функцию.

Одним из проявлений текстовой значимости анафонических конкретизаторов является усиление *выразительности* и *изобразительности* при объективировании наиболее значимых для автора смыслов. Повторяющиеся элементы, комбинируясь в тексте, создают стилистические фигуры, задействованные в различных техниках выдвижения, что и определяет эмоциональный, экспрессивный характер текста. В бердяевском трактате встречаются

такие виды выдвижения, как сцепление, «обманутое ожидание», конвергенция.

Примером сцепления могут служить высказывания, в которых дистантный упорядоченный повтор (эпифора) сочетается с антитезой, выполняющей функцию сопоставления. См.:

Бог – конкретная личность и потому Творец; человек – конкретная личность и потому творец; весь состав бытия – конкретный, персональный и потому обладает творческой силой.

Такой способ выдвижения, как «обманутое ожидание», характеризует строение приводимой ниже фразы. Она разделяется на две неравные части: более распространенная часть включает в себя контактный и дистантный повторы анафонических выражений, а другая – ей противопоставлена как содержательно, так и формально. См.:

Творческий акт творит не из природы творящего, через убывание сил творящего, переходящих в иное состояние, а из ничего.

Конвергенция фигур позволяет выразительно оформить наиболее значимые для автора смыслы. Так, идея о призвании человека продолжать Божье творение оформляется посредством конвергенции фигур: контактного межфразового повтора (анадиплозиса) (...*Божьего творения. Творение мира*...); контактного межфразового повтора, при котором изменяется порядок слов (эпанодоса) и происходит незначительное изменение самих элементов (эпимоны) (см. подчеркнутое); повторения языковых элементов в конце соотносимых синтагм (эпифоры) (*творение*). Сочетание данных фигур усиливает взаимосвязанность высказываний, что создает эффект усиленной связности. См.

По Божьей идее о человеке, которая не может быть раскрыта одним Богом, а

должна быть раскрыта и человеком, человек призван продолжать дело **Божьего творения**. Творение мира не закончено в семь дней. Семидневное законченное творение есть ограниченный ветхозаветный аспект **творения**, для которого не раскрывается полная **тайна творения**.

Лингвокреативное описание идиостиля предполагает изучение духовной проявленности личности в соответствии с сущностными особенностями языка, в рамках которого реализуется ее творческий потенциал. Для идиостиля Н. А. Бердяева доминантным является анафонический способ организации дискурсивной деятельности. Созвучные деривату-теме конкретизаторы осуществляют формирование и репрезентацию

индивидуально-авторского вербализованного понятия *творчество*. Выделение основной анафонии обусловлено системными особенностями русского языка (флективностью, фузионностью и соотносимыми с ними структурно-семиологическими, субстантными и экстралингвистическими факторами), но именно в идиостиле Н. А. Бердяева свойства анафонической аналогии получают свое развитие и способность становиться специфицирующим фактором дискурса. Стало быть, незаурядность языковой личности проявляется в способности интенсифицировать духовные усилия на одном из дискурсивном элементов и тем самым наделять данный элемент стилеобразующими свойствами.

summary

Σ Language-creative description of the individual style of N. A. Berd'ayev (upon a material of philosophical work «Meaning of creation. An essay on justification of human»)

The article is devoted to the basics of the language-creative description of the individual style of linguistic personality. Individual style defined as a advanced creative manner of representation of the meanings, which are actual for the author. System qualities of the author's native language and their individual manifestation regarded as the main conditions of the peculiarities of the author's style.

Language-creative research of the individual style of N. A. Berd'ayev's reconstructs anaphonic organization of philosopher's discourse. His general idea is represented in discourse by image, organized by modifications of word-building form *tvorchestvo* : *tvor/chestvo*: *tvorch/estvo*. Dominant way of its concretization is a base anaphony – phonographic reproduction of the base of word *tvorchestvo*. Dominant position of base anaphony (anaphonic analogy) depends on system qualities of Russian language, but the individual style of N. A. Berd'ayev particularly demonstrates its powerful development and style-formative abilities.

Литература

100

- Бердяев 2002: **Бердяев Н. А.** Смысл творчества: Опыт оправдания человека. – Харьков: Фолио; Москва: ООО «Издательство АСТ». – 688 с.
- Бодуэн де Куртенэ 1963: **Бодуэн де Куртенэ И. А.** Избранные труды по общему языкознанию. Т. II. – Москва: Изд-во АН СССР. – 392 с.
- Гумбольдт 1984: **Гумбольдт В. фон.** Избранные труды по языкознанию. – Москва: Прогресс. – 397 с.
- Зубкова 1999: **Зубкова Л. Г.** Язык как форма. Теория и история языкознания. – Москва: Изд-во РУДН. – 237 с.
- Катышев 2005: **Катышев П. А.** Полимотивация и смысловая многомерность словообразовательной формы. – Томск: Изд-во Томского ун-та. – 260 с.
- Катышев 2006: **Катышев П. А.** Полимотивированность деривата как показатель интенсивности русского языкового мышления. – In: Актуальные проблемы современного словообразования: Труды Международной научной конференции (г. Кемерово, 1–3 июля 2005 г.). – Томск: Изд-во Томского ун-та. – С. 67–71.
- Катышев П. А.: **Катышев П. А.** Полимотивация в свете системной лингвистики (в печати).
- Кубрякова 1995: **Кубрякова Е. С.** Лексикализация грамматики: пути и последствия. – In: Язык – система. Язык – текст. Язык – способность. Сб. статей. – Москва: Ин-т русского языка РАН. – С. 16–24.
- Лукин 2005: **Лукин В. А.** Художественный текст: Основы лингвистической теории. Аналитический минимум. – Москва: Изд-во «Ось-89». – 560 с.
- Потебня 1958: **Потебня А. А.** Из записок по русской грамматике. Т. I–II. – Москва: Учпедгиз. – 536 с.
- Пузырев 1995: **Пузырев А. В.** Анаграммы как явление языка. Опыт системного осмысления. – Москва; Пенза: Ин-т языкознания РАН, пгпу им. В. Г. Белинского. – 378 с.
- Тихонов 1990: **Тихонов А. Н.** Основные понятия русского словообразования. – In: Словообразовательный словарь русского языка. Т. 1. – Москва. – С. 18–52.
- Улуханов 2005: **Улуханов И. С.** О степенях словообразовательной мотивации. – In: Улуханов И. С. Мотивация в словообразовательной системе русского языка. – Москва: Азбуковник. – 314 с.